

Было странно чувствовать себя похожим на своих сверстников в чем-либо. Том настолько отличался от всех них, что у него никогда не было чего-то общего даже со своими соседями по дому, но, втянувшись в возбужденный шепот за завтраком, он впервые обнаружил, что они обсуждают что-то интересное.

"Здесь написано, что он британец", - прокомментировал семикурсник. "Он, должно быть, родственник им, если он парселмут".

"Это всего лишь слухи", - возразил другой. "Ты же не хочешь сказать мне, что Морфин Гонт - это Змей, не так ли, Селвин?"

"Чертовски маловероятно", - фыркнул Яксли. "Судя по тому, что сказал мой отец, Гонт - сумасшедший. Заперся в своей лачуге. Нет, это не может быть он".

"Тогда кто?"

"Ну, если бы это было так просто, это не было бы загадкой, не так ли?"

"Яксли прав, - заявил Селвин всем, кто был готов слушать, - но он, должно быть, связан со Слизерином, если может говорить со змеями. Мы не можем оспаривать это".

В то время как его соседи по дому погрузились в задумчивость, Том мог только в ошеломленном молчании смотреть на то, что осталось от его завтрака.

Он мог разговаривать со змеями. Означало ли это, что он тоже был родственником Слизерина?

Последние слова, произнесенные Селвином, прокрутились у него в голове.

Этот упомянутый Морфин Гонт, должно быть, тоже умеет разговаривать со змеями.

Был ли он родственником?

Разум Тома был переполнен мыслью за мыслью, и требовалось время, чтобы представить их в перспективе.

Ему нужно будет обдумать то, что он узнал.

В течение нескольких месяцев он почти отказался от попыток установить личность своей семьи, но, наконец, у него появился свежий след, по которому можно было идти.

Однако, как бы то ни было, была одна вещь, которую он хотел прояснить, то, о чем он не думал с его стороны.

Потеряв аппетит, Том встал из-за стола, его исчезновение осталось незамеченным, поскольку и сотрудники, и студенты были слишком увлечены обсуждением Змеи.

Еще один родственник?

Том равнодушно пожал плечами.

Это не имело значения.

Когда он был всего лишь мальчиком, возможно, ему хотелось бы иметь семью, но Том перерос это представление. По крайней мере, он хотел просто удовлетворить свое собственное

любопытство относительно того, откуда он родом, кто были его мать и отец и почему его оставили гнить в сиротском приюте.

Он не испытывал никаких чувств ни к матери, которая умерла, рожая его, ни к своему отсутствующему отцу.

Оба были слабы, а у Тома в жизни не было времени на слабости.

Слабые были поглощены сильными, и это было тем, кем он был.

Прочистив горло, он напустил на себя самое невинное выражение, то самое, которое не смогло очаровать миссис Коулз, но, похоже, неплохо подействовало на его главу дома.

Он постучал в дверь кабинета и стал ждать.

Только мгновение спустя она открылась, и глаз Слагхорна загорелся при виде его гостя.

"Что я могу сделать для тебя сегодня, Том? Ты же знаешь, сегодня субботнее утро."

"Извините, сэр, - ответил Том, - но я просто хотел кое-что обсудить с вами. Ты же сказал, что твоя дверь всегда открыта."

Слагхорн улыбнулся ему и жестом пригласил войти.

"Полагаю, что да", - со смешком признал дородный мужчина. "Итак, что же такого важного, что это не могло подождать до понедельника?"

"Извините, сэр, это не так важно. Это может подождать, - тихо сказал Том, прежде чем повернуться обратно к двери.

"Нет, нет", - настаивал Слагхорн.

Том ухмыльнулся про себя, прежде чем прояснить выражение лица и занять место на противоположной стороне стола от профессора.

"Пойдем, Том, что у тебя на уме?"

Том на мгновение задумчиво нахмурился.

"Мне просто интересно, сэр, если бы было доказано, что кто-то является потомком одного из основателей школы, стал бы он ее владельцем?"

Слагхорн был застигнут врасплох этим вопросом, прежде чем хихикнул, его внушительный живот подпрыгнул вверх-вниз от удовольствия.

"Вот в чем вопрос", - размышлял он вслух. "Что вдохновило вас на это?"

"О, я слышал, как другие студенты говорили об этом человеке-Змее, и они думают, что он, должно быть, связан со Слизерином, потому что он п..."

"Парселмут?" - спросил Слагхорн.

Том кивнул, одарив мужчину благодарной улыбкой.

"Вы должны понимать, что это всего лишь слухи с поля боя", - указал Слагхорн. "Ты никогда не должен верить всему, что читаешь в газетах, Том. Но, отвечая на ваш вопрос, нет, только потому, что кто-то может быть потомком одного из основателей, это не значит, что они могут претендовать на владение замком."

"Понятно", - пробормотал Том, изо всех сил стараясь скрыть свое разочарование.

Ничто не доставило бы ему большей радости, чем выселение учеников и учителей с территории.

"Нет, видите ли, если бы это было правдой, то Смиты предъявили бы на это права столетия назад, а тут еще Гонты".

"Смиты?"

"Ах, видная семья с установленными и проверенными связями с Хельгой Хаффлапфф. Гонты аналогично связаны с самим Слизерином, хотя они больше не так заметны. Они давно потеряли благосклонность общества из-за своей склонности к инбридингу и ужасных предрассудков."

Том стиснул зубы, чтобы сохранить самообладание при описании тех, с кем он, скорее всего, был связан.

"А как насчет Гриффиндора? Остался ли кто-нибудь из его родственников?"

Слизнорт усмехнулся.

"Я бы сказал, что есть много семей, которые могли бы претендовать на его родство", - вздохнул он. "Годрик Гриффиндор в свое время считался немного хамом, что означало, что он был отцом детей от нескольких женщин. Вы никогда не знаете Тома, даже вы могли бы быть его родственником".

Слагхорн не смог бы быть дальше от истины, даже если бы попытался.

"А Равенкло?"

"Так вот, это довольно печальная история. У Ровены Равенкло была только одна дочь до смерти ее мужа, и эта дочь умерла бездетной. Хотите, я расскажу вам малоизвестный факт?" - спросил Слагхорн шепотом, его глаза-бусинки загорелись, как всегда, когда он собирался рассказать сплетню, о которой мало кто знал.

Том с энтузиазмом кивнул.

"Дочь Ровены - Серая леди из башни Равенкло".

"Призрак?" - с благоговением спросил Том.

Слизнорт кивнул.

"Да, но даже она никогда не смогла бы заявить, что Хогвартс принадлежит ей. Магия замка не работает таким образом, но всегда можно найти что-то, что принадлежало одному из основателей, если вы знаете, что ищете."

Том отложил эту информацию на потом.

"Как работает магия?"

"Вот это вопрос", - похвалил Слагхорн. "Ну, говорят, что основатели не просто хотели оставить замок своим детям. Я полагаю, они не ожидали, что они будут так преданы своему коллективному видению, и они не хотели, чтобы их тяжелая работа была потрачена впустую. Они хотели, чтобы те, кто так же увлечен образованием, как и они сами, продолжали свою работу".

"Итак, они назначили директора?" Том сделал вывод.

Слагхорн гордо улыбнулся.

"Проницателен, как всегда", - искренне сказал он. "Это именно то, что они сделали. Магия основателей позволяет стражу следить за управлением замком, причем этот страж выбирается предшественником. Так было с тех пор, как умер последний из основателей, живших в замке."

"Что произойдет, если директор умрет, не назначив замену?"

Слизнорт хмыкнул.

"Я не историк, но я полагаю, что такое произошло несколько столетий назад", - размышлял он вслух. "Я полагаю, что директор, сменивший умершего человека, был очень непопулярен и был, скажем так, устранен. Как он занял этот пост, можно только догадываться, но это должно быть возможно сделать, если нет преемника на месте".

Тому уже многое нужно было обдумать перед этой импровизированной встречей, и теперь, казалось, у него было гораздо больше, но сначала ему нужно было привести свои мысли в порядок.

"Спасибо, профессор", - сказал он, вставая. "Ты был кладезем знаний".

"В любое время, Том, в любое время", - весело ответил Слизнорт.

Кивнув в знак благодарности, Том покинул офис, у него было над чем поразмыслить, но каким бы интересным ни было то, что он обсуждал со своим главой отдела, была одна мысль, от которой он не мог избавиться.

Теперь у него была зацепка, реальная нить, по которой можно было определить, откуда он родом, и если, как он подозревал, он был потомком Салазара Слизерина, то то, что он подозревал с самого начала, было правильным.

Он был другим, даже по сравнению со своими сокурсниками, он не был похож на них.

Он был лучше.

Эта мысль вызвала улыбку на его губах.

"Чарлюс, пожалуйста, не надо", - взмолилась Анжелика. "Твой отец не хотел бы этого для тебя".

"МОЙ ОТЕЦ МЕРТВ!" - рявкнул Чарлюс. "ГРИНДЕЛЬВАЛЬД УБИЛ ЕГО!"

Гнев, который он сдерживал, больше не мог сдерживаться.

С того момента, как он узнал о судьбе Уильяма Поттера, Чарлюс знал, что нужно сделать.

Он сдерживал ярость ради того, чтобы быть рядом со своей матерью, откладывал собственное горе, чтобы быть таким сильным, каким она в нем нуждалась.

Наконец, Чарлюс достиг своей критической точки.

"Я не могу смотреть, как ты уходишь и тебя тоже убивают", - всхлипнула Анжелика. "Чарлюс, пожалуйста, я не могу потерять тебя так же, как потерял твоего отца".

"И я не могу прожить свою жизнь, зная, что я ничего с этим не сделал!" Чарлюс огрызнулся в ответ. "Гриндельвальд все еще на свободе, и вы не можете ожидать, что я позволю ему выйти сухим из

воды". "Он этого не сделает!" - заверила его Анжелика. "Он предстанет перед правосудием!"

Чарлюс покачал головой.

"Это недостаточно хорошо, если только я не принесу это ему".

Чарлюс вылетел из комнаты, чувство вины за то, что он оставил свою плачущую мать позади, трудно игнорировать, но ничего другого не оставалось.

Он должен был сделать это для себя и для своего отца.

Он вытер собственные слезы тыльной стороной ладони, прежде чем продолжить собирать вещи, не зная, что ему вообще нужно взять.

"Мама, ты не заставишь меня передумать", - вздохнул он, когда раздался стук в его дверь.

Он открыл ее, удивленный тем, что столкнулся с кем-то, кто определенно не был его матерью.

"Что ты здесь делаешь? Она послала за тобой?"

"Она это сделала", - беззастенчиво подтвердил Гарри. "Она беспокоится о тебе и думает, что твое горе затуманивает твое суждение".

"И вы согласны с ней?"

Гарри глубоко вздохнул.

"Может быть, так оно и есть, - ответил он, пожимая плечами, - но если кто-то и понимает, что ты чувствуешь лучше, чем кто-либо другой, так это я".

Чарлюс фыркнул, вызвав у Гарри многозначительный взгляд.

"Ублюдок", - пробормотал он. "Извини, я забыл".

Гарри отмахнулся от его извинений.

"Я полагаю, что то, что я делаю, по большей части связано с тем, что случилось с моими родителями", - признался он. "Я была ребенком, беспомощным, чтобы предотвратить это, и я

ношу с собой чувство вины. Я знаю, что это была не моя вина, но это все равно случилось, и ты никогда не оправившись от этого. Может быть, когда я найду того, кто их убил, я это сделаю, - задумчиво добавил он, - но я так не думаю".

"Значит, я должен просто оставить это?" - с отвращением спросил Чарлюс.

Гарри снова пожал плечами.

"Это тебе решать. Если ты честно не можешь смириться с тем, что произошло, тогда ты должен выбрать, что делать, но если ты собираешься бороться, тогда я иду с тобой. Я обещал твоей матери, что не позволю тому, что случилось с твоим отцом, случиться и с тобой."

"Я могу позаботиться о себе, Гарри".

"Я никогда не говорил, что ты не можешь, но я был бы довольно плохим другом, если бы отпустил тебя одну. Если ты уходишь, то и я уйду".

Чарлюс раздраженно фыркнул.

"Ты упрямый придурок, ты это знаешь".

"У нас есть кое-что общее", - ответил Гарри.

Чарлюс ухмыльнулся и покачал головой.

"Ты не умеешь драться, ты Волшебник ударов".

"Разве это останавливало меня раньше?"

Услышав этот вопрос, Чарлюс нахмурился.

Гарри был в Бельгии и во Франции со своим отцом, о чем Чарлюс не придавал особого значения. Но если Гарри был Мастер-ударником, тогда почему он был там?

"Там я был нужен больше всего", - объяснил Гарри, как будто прочитал мысли Чарлюса.

"Даже подумал, что это могло стоить тебе работы?"

Гарри кивнул.

"Гриндельвальд опасен, когда они приходят", - серьезно сказал он. "То, что я был Мастером-ударником, дало мне свободу узнать о нем, увидеть, что он делает для меня, и помочь, где я мог".

"И это не делает этого для тебя сейчас?"

Гарри покачал головой.

"Работа дает мне свободу, но также и ограничения. Если мне предстоит драться с ним, я не могу быть связан этими правилами, и я отказываюсь ими быть".

"Почему ты так решительно настроен бороться с ним, Гарри?"

"Потому что я думал, что он был похож на человека, который убил моих родителей. Я хотел

предотвратить то, что случилось со мной, с другими".

"Это он?" Чарлюс мягко нажал. "Он похож на человека, который убил твоих родителей?"

"Не так много, как я ожидал", - ответил Гарри. "Он так же опасен, так же безжалостен, но Гриндельвальд вполне в здравом уме, судя по тому, что я видел. Его амбиции подпитываются его верой, а не потому, что он считает, что у него есть право на мир".

"А человек, который убил твоих родителей?"

"Это страдающий манией величия человек, у которого нет ни капли заботы о других. Он эгоистичен и совершенно безумен, совершенно другой враг".

"Ты ненавидишь его", - заявил Чарлюс.

"Точно так же, как ты ненавидишь Гриндельвальда", - ответил Гарри.

Чарлюс одарил Гарри сочувственной улыбкой.

Были части Гарри, которые он никогда не понимал; его потребность подвергать себя опасности так, как он это делал, его защитная сторона и то, что он казался таким закрытым от мира.

Теперь Чарлюс понял это, по крайней мере, он так думал.

Для этого ему пришлось потерять собственного отца, но то, каким был Гарри, имело для него смысл.

Как он так долго переносил гнев и боль, не ломаясь, Чарлюс никогда не узнает, но они были родственными душами, оба стремились к справедливости за причиненные им обиды.

"Я помогу тебе", - поклялся Чарлюс. "Когда придет время и ты найдешь человека, который отнял у тебя твоих родителей, я помогу тебе всем, чем смогу".

"Так, как я хочу помочь тебе", - вздохнул Гарри.

Чарлюс согласился с этим утверждением кивком.

"Для меня большая честь, что вы сделали это для меня, и я знаю, что мой отец тоже был бы рад".

Гарри кивнул.

"Ты готов к этому?" он спросил. "Ты уверен, что готов настолько, насколько это возможно? Нелегко отнять жизнь, и требуется всего мгновение колебания, прежде чем у тебя отнимут твою."

Чарлюс никогда не видел Гарри таким серьезным, его поведение заставляло его по-настоящему задуматься о том, о чем его спросили.

"Нет, - честно ответил он, - но я буду достаточно скоро. Есть еще одна вещь, которую мне нужно сделать, тогда я буду".

"Тогда делай, что бы это ни было, - настаивал Гарри, - и будь полегче со своей матерью. Она никогда не поддержит то, что ты делаешь, но, может быть, ты сможешь заставить ее понять".

Чарлюс кивнул.

"Я поговорю с ней", - пообещал он. "Мне понадобится неделя, а потом мы сможем записаться. По крайней мере, другие лорды не смогут сказать, что я не выполнил свою часть работы."

"Плевать, что думают другие, это не о них. У тебя есть неделя, до тех пор не делай никаких глупостей. Я, черт возьми, сам выслежу тебя и запру на все время."

Чарлюс усмехнулся.

"Я не сомневаюсь, что ты это сделаешь. Спасибо тебе, Гарри, за все."

Гарри просто кивнул, прежде чем покинуть комнату Чарлюса.

"Одна неделя", - пробормотал себе под нос лорд Поттер.

Каким-то образом он почувствовал себя лучше, зная, что у него будет возможность отомстить за своего отца, и тем более за его разговор с Гарри.

Он был хорошим другом Чарлюса с тех пор, как тот прибыл в Хогвартс, но ни тот, ни другой не были детьми, которыми они были.

Теперь они были мужчинами, и хотя Гарри уже много лет вел себя как мужчина, настала очередь Чарлюса последовать его примеру.

Не было отца, который защитил бы его от зла этого мира, и в отсутствие этого человека Чарлюсу пришлось бы противостоять ему.

Однако, во-первых, ему нужно было раздобыть некоторые ингредиенты для зелий, и он ожидал, что впереди будет несколько неприятных дней.

Несмотря на то, что на континенте шла война, в "Трех метлах" было так же шумно, как и всегда: жители Хогсмида, казалось, собирались, чтобы обсудить события за границей и влияние, которое это оказало на их жизнь.

Гарри и Минерва не собирались предаваться таким легкомысленным вещам. Они тратили время, которое у них редко было свободным, чтобы видаться друг с другом, по большей части короткое, но приятное бегство для них обоих.

"Значит, ты не пыталась отговорить его от этого?"

Гарри покачал головой.

"Анжелика тоже хотела меня, но как я мог, когда это сделало бы меня лицемером? Чарлюс всего лишь делает то же самое, что и я. Почему ему должно быть отказано в стремлении к собственному правосудию?"

Минерва понимающе кивнула.

"Но Чарлюс - это не ты, Гарри", - заметила она. "Чарлюс потерял своего отца, но он не жил той жизнью, которая есть у тебя".

"Я знаю, но я не собираюсь быть тем, кто остановит его. Лучшее, что я могу сделать, это быть рядом с ним и оберегать его".

"И как же ты это сделаешь?"

"Я собираюсь записаться к нему".

Лицо Минервы вытянулось.

"Гарри, нет", - взмолилась она, беря его за руку. "Пожалуйста, ты не можешь".

Гарри глубоко вздохнул, крепче сжимая ее.

"Это то, где я могу принести больше всего пользы, Минерва. То, что я делаю, не положит конец войне. Нам нужны хорошие бойцы на передовой".

"Но почему ты?" - печально спросила Минерва. "Почему это всегда ты?"

"Потому что, как бы сильно ты не хотел, чтобы я была другой, это то, в чем я лучше всего."

Минерва встретила его взгляд, ее собственный был полон беспокойства.

"Неужели я обречен провести остаток своей жизни, беспокоясь о тебе?"

Гарри ухмыльнулся ей.

"Возможно", - ответил он.

Минерва покачала головой.

"Это было достаточно сложно, учитывая, что ты был Мастер-ударник. Я не знаю, как я справлюсь, зная, что ты намеренно ставишь себя на линию огня".

"Я провел свою жизнь на линии огня. Единственный выход из этого - побыть там еще немного".

"Еще немного?"

"Пока Гриндельвальд не будет вынужден встретиться со мной лицом к лицу. Он не может вечно игнорировать такую угрозу, как я. В конце концов, он будет вынужден встретиться со мной лицом к лицу."

"Не Чарлюс?"

"Для меня не имеет значения, кто его убьет", - честно ответил Гарри. "Я забрал достаточно жизней для себя, и будет еще много, прежде чем я закончу. Является ли Гриндельвальд одним из них или нет, ничего не значит."

Минерва кивнула.

"Ну, если не считать ничего другого, ты создаешь себе неплохую репутацию. Студенты только о тебе и говорят."

"Не совсем я", - отметил Гарри.

"Верно", - согласилась Минерва, - "но это не секрет, который будет длиться вечно. В конце

концов это выйдет наружу. Такие вещи, как это, всегда случаются."

"Но не раньше, чем я буду готов", - твердо сказал Гарри. "Змей - это мой способ обезопасить людей, о которых я забочусь".

"Это касается и меня?" - спросила Минерва с усмешкой.

Гарри подпрыгнул, почувствовав, как ее ступня скользнула вверх по его ноге.

"Черт возьми, если ты будешь продолжать в том же духе, ты убьешь меня раньше, чем это сделает Гриндельвальд".

Минерва удивленно подняла бровь, глядя на него.

"Я гарантирую, что любая смерть, которую ты получишь от меня, будет намного приятнее, чем то, что он сделает с тобой".

"В этом я не сомневаюсь", - добродушно фыркнул Гарри.

"Ты все еще не ответил на мой вопрос", - напомнила ему Минерва.

Гарри улыбнулся женщине.

"Ты возглавляешь список людей, о которых я забочусь".

Его слова вызвали яркую улыбку на ее губах, которая наполнила Гарри теплом.

Он имел в виду то, что сказал.

Он не знал, когда это произошло, но леди, сидевшая перед ним, была для него просто еще одной причиной продолжать борьбу.

Его родители всегда были на переднем плане его мыслей вместе с Сириусом, но Гарри не думал о чем-то большем, чем о том, что он будет делать, когда в конце концов убьет Тома Риддла.

Он все еще не знал, но был уверен, что хочет, чтобы Минерва была частью этого.

Руны было достаточно легко вырезать на подвальном этаже поместья Поттеров, но, как всегда, Чарлюс боролся с приготовлением зелья. Даже если бы письменные инструкции его отца были более четкими, это не сделало бы задачу более радостной.

Тем не менее, жидкость в котле была такой, как описано, и когда Чарлюс снял одежду и сел в центре круга рун, он посмотрел на два ножа, поднял один, прежде чем сделать глубокий вдох.

Одним быстрым движением он провел серебряным лезвием с золотой рукояткой по левой ладони, прежде чем переключиться на другой нож и повторить действие правой.

Когда, как он надеялся, самое худшее было позади, она сжала его руки вместе и подержала их над котлом. Когда она стала золотисто-желтой, он удовлетворенно кивнул и осушил содержимое.

Он сразу же почувствовал головокружение и пульсацию магии в своих венах.

Это было сюрреалистическое переживание само по себе, но не то, на чем ему было предоставлено долго останавливаться.

Всего мгновение спустя началась боль, невыносимое жжение, опаляющее каждую клеточку его существа, вырывающее крик агонии из его горла, прежде чем он не узнал ничего, кроме темноты.

<http://tl.rulate.ru/book/76052/2701191>